

"Комсомольская правда"

№ 291 18.XII.1937

# Антинародный театр

Из 700 советских профессиональных театров 699 каждый день поднимают сценический занавес перед залами, до краев наполненными зрителями. И только один театр остается пустым и холодным, только к одному театру равнодушен советский зритель. Это театр им. Вс. Мейерхольда.

Театр им. Мейерхольда нелюбим советской аудиторией, он чужд советскому народу, как чуждо ему все, что несет на себе мертвенный отпечаток формализма, все, что подменяет истинное искусство антихудожественным суррогатом, правдивость — затейливой ложью, мастерство — трюком.

Не случайно в дни всенародного празднования Великого двадцатилетия советской власти в семье наших театров, и каждый из них стремился лучше, ярче, полнее отразить в юбилейном спектакле радостную жизнь родной страны, чувства и помыслы великого народа. Только один театр остался равнодушен к этому замечательному движению, оставившему глубокий след во всем дальнейшем развитии советского искусства. В этом театре попрежнему раздавались усыпляющие речи в честь «мастера» и попрежнему шла унылая розня над очередным формалистическим вывертом. Вс. Мейерхольд остался верен себе. То, что он пытался сделать с творением Николая Островского, было надругательством над памятью безвременно ушедшего писателя, который всю свою жизнь отдал народу и которого любит и чтит советский народ.

Позорный провал юбилейной «работы» театра им. Мейерхольда подчеркнул всю глубину его политического и художественного падения. Но сам по себе этот факт является катастрофическим результатом, завершающим длительный путь, пройденный Всеволодом Мейерхольдом. Этот путь с самого начала пролегал в стороне от великих принципов реализма и народности искусства. Великий лозунг «искусство принадлежит народу» был чужд Мейерхольду.

Вс. Мейерхольд пришел в советское искусство, отягощенный грузом буржуазного формализма, отравленный ядом мистицизма, бреднями Мережковского. Его буйство против традиций старого театра в действительности имело глубоко реакционную основу. Анархическая крикливость, маскировка псевдореволюционным фразерством не могут скрыть от нас этой реакционной сути мейерхольдовщины. Напрасны были попытки Мейерхольда после статей «Правды» в 1936 г. прикрыться нелепым лозунгом «Мейерхольд против мейерхольдовщины». Советская общественность оценила это как недостойное фиглярство, как попытку обмануть ее, уйти от критики. Так оно и было на самом деле.

Свой большой талант Вс. Мейерхольд употребил во зло искусству, ибо то, что он делал, было и остается фальсификацией искусства, всегда вредной по своему внутреннему содержанию.

Под манерным псевдонимом «Доктор Дапертутто», на страницах журнальчика «Любовь к трем апельсинам», в своих ранних постановках пьес Метерлинка, Ибсена, Шнибшевского Мейерхольд проявлял себя законченным формалистом с очень сильным наклоном к мистике. Когда в 1926 году Вс. Мейерхольд осуществил свою постановку «Ревизора» Гоголя, он по существу реализовал свою старую мечту. Еще 30 лет назад Мейерхольд формулировал свое отношение к художественному реализму. В 1908 г. он писал: «Это тот реализм, который не избегая быта, однако преодолевает его, так как ищет только символа вещи и ее мистической сущности».

Когда впоследствии Мейерхольд открещивался от эпохи журнала «Любовь к трем апельсинам», ему многие поверили. Но он говорил неправду. Он ничего не забыл и ничему не научился.

Гениальная комедия Гоголя была превращена им в пеленый фарс, где элементы омерзительного натурализма переплетались с бесчисленными формальными трюками, и вся эта мешанина была густо сдобрена мистикой в духе «трактата» Мережковского «Гоголь и чорт».

Советское общественное мнение было оскорблено этим издевательством над великим русским художником, как было оскорблено надругательством над «Горем от ума» Грибоедова, превращенным, согласно «творческому методу» Мейерхольда, в шутовской монтаж.

Но что Мейерхольду до советского общественного мнения! Формалисты подняли восторженный визг, а только к ним и прислушивался Вс. Мейерхольд. Под видом разработки и пропаганды классического наследия театр Мейерхольда уродовал классиков, грубо фальсифицировал Гоголя, Грибоедова, Островского. В мертвых традициях мертвого японского театра Мейерхольд черпал свои приемы, и самонадеянная «биомеханика» должна была превратить живого актера в действующую, но бесчувственную машину.

Прохвост Третьяков состряпал для Мейерхольда пьесу «Земля дыбом», и Мейерхольд посвятил этот спектакль будущему фашистскому наймиту Тропцкому. С редкой последовательностью Мейерхольд изгонял из театра советских драматургов и советскую драматургию, но зато под его гостеприимным кровом находили себе приют враги и вражеские пьесы вроде «Самоубийцы» Эрмана и «Хочу ребенка» Третьякова. Всем известно, как ревностно добивался Вс. Мейерхольд разрешения на постановку этих пьес. Деятельность Вс. Мейерхольда не могла не вызвать протеста со стороны наиболее здоровых и передовых элементов театра им. Мейерхольда. Как же реагировал Вс. Мейерхольд на самокритику? Увольнения и административные репрессии сыпались на головы смельчаков, отважившихся перечить Вс. Мейерхольду, совмещавшему в своем лице и директора и художественного руководителя. Вместе с компанией фаворитов и подхалимов Вс. Мейерхольд превратил театр в своего рода вотчину, где он пытался хозяйничать бесконтрольно и единолично. Коммунисты и комсомольцы систематически выживались из театра, лучшие актеры покидали театр один за другим. За последние годы из театра им. Мейерхольда ушло более 50 человек, и среди них ряд виднейших и талантливейших актеров.

В театре царит тяжелая, удушливая атмосфера, в которой не может развиваться ничего кроме интриги и склоки. Немудрено, что за целый ряд лет театр не показал ни одного нового спектакля. Эстетская «Дама с камелиями» и уродливая комбинация из чеховских водевилей («33 обморока»), разумеется, не в счет.

Вполне понятен вопрос, который задал советский зритель: зачем нужен этот театр с его антинародной художественной практикой? Советское государство затратило огромные средства на содержание этого театра. Ему было уделено множество забот. Вс. Мейерхольда неоднократно поправляли. Ему указывали верные пути. Для него создавались исключительные условия. Мейерхольд всего этого не оправдал.

Театр им. Мейерхольда стал антинародным театром. Такой театр не нужен советскому искусству, советским зрителям.



Комсом. Правда

18/11 37

Дубль

# Антинародный театр

Из 700 советских профессиональных театров 699 каждый день поднимают спенический занавес перед залами, до краев наполненными зрителями. И только один театр остается пустым и холодным, только к одному театру равнодушен советский зритель. Это театр им. Вс. Мейерхольда.

Театр им. Мейерхольда нелюбим советской аудиторией, он чужд советскому народу, как чуждо ему все, что несет на себе мертвенный отпечаток формализма, все, что подменяет истинное искусство антихудожественным суррогатом, правдивость — затейливой ложью, мастерство — трюком.

Не случайно в дни всенародного празднования Великого двадцатилетия советской власти в семье наших театров только один театр ничего не принес в дар советскому народу. Это был театр им. Мейерхольда. Более года длилось художественное соревнование советских театров, и каждый из них стремился лучше, ярче, полнее отразить в юбилейном спектакле радостную жизнь родной страны, чувства и помыслы великого народа. Только один театр оставался равнодушен к этому замечательному движению, оставившему глубокий след во всем дальнейшем развитии советского искусства. В этом театре попрежнему раздавались усыпляющие речи в честь «мастера» и попрежнему шла унылая возня над очередным формалистическим вывертом. Вс. Мейерхольд остался верен себе. То, что он пытался сделать с творением Николая Островского, было надругательством над памятью безвременного ушедшего писателя, который всю свою жизнь отдал народу и которого любит и чтит советский народ.

Позорный провал юбилейной «работы» театра им. Мейерхольда подчеркнул всю глубину его политического и художественного падения. Но сам по себе этот факт является катастрофическим результатом, завершающим длительный путь, пройденный Всеволодом Мейерхольдом. Этот путь с самого начала пролегал в стороне от великих принципов реализма и народности искусства. Великий лозунг «искусство принадлежит народу» был чужд Мейерхольду.

Вс. Мейерхольд пришел в советское искусство, отягощенный грузом буржуазного формализма, отравленный ядом мистицизма, бреднями Мережковского. Его буйство против традиций старого театра в действительности имело глубоко реакционную основу. Анархическая крикливость, маскировка псевдореволюционным фразерством не могут скрыть от нас этой реакционной сути мейерхольдовщины. Напрасны были попытки Мейерхольда после статей «Правды» в 1936 г. прикрыться нелепым лозунгом «Мейерхольд против мейерхольдовщины». Советская общественность оценила это как недостойное фиглярство, как попытку обмануть ее, уйти от критики. Так оно и было на самом деле.

Свой большой талант Вс. Мейерхольд употребил во зло искусству, ибо то, что он делал, было и остается фальсификацией искусства, всегда вредной по своему внутреннему содержанию.

Под манерным псевдонимом «Доктор Дипергутто», на страницах журнальчика «Любовь к трем апельсинам», в своих ранних постановках пьес Метерлинка, Ибсена, Пшибышевского Мейерхольд проявлял себя законченным формалистом с очень сильным наклоном к мистике. Когда в 1926 году Вс. Мейерхольд осуществил свою постановку «Ревизора» Гоголя, он по существу реализовал свою старую мечту. Еще 30 лет назад Мейерхольд формулировал свое отношение к художественному реализму. В 1908 г. он писал: «Это тот реализм, который, не избегая быта, однако преодолевает его, так как ищет только символа вещи и ее мистической сущности».

Когда впоследствии Мейерхольд открещивался от эпохи журнала «Любовь к трем апельсинам», ему многие поверили. Но он говорил неправду. Он ничего не забыл и ничему не научился.

Гениальная комедия Гоголя была превращена им в нелепый фарс, где элементы омерзительного натурализма переплетались с бесчисленными формальными трюками, и вся эта мешанина была густо сдобрена мистикой в духе «трактата» Мережковского «Гоголь и чорт».

Советское общественное мнение было оскорблено этим издевательством над великим русским художником, как было оскорблено надругательством над «Горем от ума» Грибоедова, превращенным, согласно «творческому методу» Мейерхольда, в шутливый монтаж.

Но что Мейерхольду до советского общественного мнения! Формалисты подняли восторженный визг, а только к ним и прислушивался Вс. Мейерхольд. Под видом разработки и пропаганды классического наследия театр Мейерхольда уродовал классиков, грубо фальсифицировал Гоголя, Грибоедова, Островского. В мертвых традициях мертвого японского театра Мейерхольд черпал свои приемы, и самоневейшая «биомеханика» должна была превратить живого актера в действующую, но бесчувственную машину.

Прохвост Третьяков состряпал для Мейерхольда пьесу «Земля дыбом», и Мейерхольд посвятил этот спектакль будущему фашистскому наемнику Тропком. С реакционной последовательностью Мейерхольд изгонял из театра советских драматургов и советскую драматургию, но зато под его гостеприимным кровом находили себе уют враги и вражеские пьесы вроде «Самойловича» Эрдмана и «Хочу ребенка» Третьякова. Всем известно, как ревностно добивался Вс. Мейерхольд разрешения на постановку этих пьес. Деятельность Вс. Мейерхольда не могла не вызвать протеста со стороны наиболее здоровых и передовых элементов театра им. Мейерхольда. Как же реагировал Вс. Мейерхольд на самокритику? Увольнения и административные репрессии сыпались на головы смельчаков, отважившихся перечить Вс. Мейерхольду, совмещавшему в своем лице и директора и художественного руководителя. Вместе с компанией фаворитов и подхалимов Вс. Мейерхольд превратил театр в своего рода вочину, где он пытался хозяйничать бесконтрольно и единолично. Коммунисты и комсомольцы систематически выживались из театра, лучшие актеры покидали театр один за другим. За последние годы из театра им. Мейерхольда ушло более 50 человек, и среди них ряд виднейших и талантливейших актеров.

В театре парит тяжелая, душливая атмосфера, в которой не может развиваться ничего кроме интриги и склоки. Немудрено, что за целый ряд лет театр не показал ни одного нового спектакля. Эстетская «Дама с камелиями» и уродливая комбинация из чеховских водевилей («33 обморока»), разумеется, не в счет.

Вполне понятен вопрос, который задал советский зритель: зачем нужен этот театр с его антинародной художественной практикой? Советское государство затратило огромные средства на содержание этого театра. Ему было уделено множество забот. Вс. Мейерхольда неоднократно поправляли. Ему указывали верные пути. Для него создавались исключительные условия. Мейерхольд всего этого не оправдал.

Театр им. Мейерхольда стал антинародным театром. Такой театр не нужен советскому искусству, советским зрителям.